

Эмили Бронте

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Перевод с английского

Н. Д. ВОЛЬПИН

Иллюстрации

А. Н. МОРОЗА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА

2019

ГЛАВА I

1801. Я только что вернулся от своего хозяина — единственного соседа, который будет мне здесь докучать. Место поистине прекрасное! Во всей Англии едва ли я сыскал бы уголок, так идеально удаленный от светской суеты. Совершенный рай для мизантропа! А мистер Хитклиф и я — оба мы прямо созданы для того, чтобы делить между собой уединение. Превосходный человек! Он и не представляет себе, какую теплоту я почувствовал в сердце, увидав, что его черные глаза так недоверчиво ушли под брови, когда я подъехал на коне, и что он с настороженной решимостью еще глубже засунул пальцы в жилет, когда я назвал свое имя.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

В ответ он молча кивнул.

— Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэр. Почел за честь тотчас же по приезде выразить вам свою надежду, что я не причинил вам беспокойства, так настойчиво добиваясь позволения поселиться на Мысе Скворцов: я слышал вчера, что у вас были некоторые колебания...

Его передернуло.

— Скворцы — моя собственность, сэр, — осадил он меня. — Никому не позволю причинять мне беспокойство, когда в моей власти помешать тому. Входите!

«Входите» было произнесено сквозь стиснутые зубы и прозвучало как «ступайте к черту»; да и створка ворот, к которой он прислонился, не распахнулась в согласии с его словами. Думаю, это и склонило меня принять приглашение: я загорелся интересом к человеку, показавшемуся мне еще большим нелюдимом, чем я.

Когда он увидел, что моя лошадь честно идет грудью на барьер, он протянул, наконец, руку, чтобы скинуть цепь с ворот, и затем угрюмо зашагал передо мной по мощеной дороге, выкрикнув, когда мы вступили во двор:

— Джозеф, прими коня у мистера Локвуда. Да принеси вина.

«Вот, значит, и вся прислуга, — подумалось мне, когда я услышал это двойное приказание. — Немудрено, что между плитами пробивается трава, а кусты живой изгороди подстригает только скот».

Джозеф оказался пожилым — нет, старым человеком, пожалуй, очень старым, хоть и крепким и жилистым. «Помоги нам Господь!» — проговорил он вполголоса со сварливым недовольством, посябая мне спешиться; и хмурый взгляд, который он при этом кинул на меня, позволил милосердно предположить, что божественная помощь нужна ему, чтобы переварить обед, и что его благочестивый призыв никак не относится к моему неожиданному вторжению.

Грозовой Перевал — так именуется жилище мистера Хитклифа. Эпитет «грозовой» указывает на те атмосферные явления, от ярости которых дом, стоя на юру, нисколько не защищен в непогоду. Впрочем, здесь, на высоте, должно быть, и во всякое время изрядно прохватывает ветром. О силе норда, овевающего взгорье, можно судить по чрезмерному наклону малорослых елей подле дома и по чередке чахлого терновника, ветви которого тянутся все в одну сторону, словно выпрашивая милостыню у солнца. К счастью, архитектор был предусмотрителен и строил прочно: узкие окна ушли глубоко в стену, а углы защищены большими каменными выступами.

Прежде чем переступить порог, я остановился полюбоваться гротескными барельефами, которые ваятель разбросал, не скупясь, по фасаду, насажав их особенно щедро над главной дверью, где в хаотическом сплетении облезлых грифонов и бесстыжих мальчигов я разобрал дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Мне хотелось высказать кое-какие замечания и потребовать у сердитого владельца некоторых исторических разъяснений, но он остановился в дверях с таким видом, будто настаивал, чтоб я скорей вошел или же вовсе удалился, а я отнюдь не желал бы вывести его из терпения раньше, чем увижу, каков дом внутри.

Одна ступенька ввела нас прямо — без прихожей, без коридора — в общую комнату: ее здесь и зовут *домом*. Дом по большей части служит одновременно кухней и столовой; но

Грозовой Перевал — жилище мистера Хитклифа

— Восхитительное общество! — проворчал Хитклиф. — Возьмите свечку и ступайте, куда вам угодно. Я сейчас же к вам присоединяюсь. Впрочем, во двор не ходите, собаки спущены; а в доме держит стражу Юнона, так что... вы можете только слоняться по лестнице да по коридорам. Но все равно, убирайтесь! Я приду через две минуты!

Я подчинился, но лишь наполовину — то есть оставил комнату; потом, не зная, куда ведут узкие сени, я остановился и стал невольным свидетелем поступка, который выдал суеверие моего хозяина, странно противоречившее его очевидному здравомыслию: мистер Хитклиф подошел к кровати и раздвинул загородки, разразившись при этом неудержимыми страстными словами. «Приди! Приди! — рыдал он. — Кэти, приди! О, приди — еще хоть раз! Дорогая, любимая! Хоть сегодня, Кэтрин, услышь меня!» Призрак проявил обычное для призраков своеобразие: он не подал никаких признаков бытия; только снег и ветер ворвались бешеной закрутью, долетев до меня и задув свечу.

Такая тоска была в порыве горя, сопровождавшем этот бред, что сочувствие заставило меня простить его безрассудство, и я удалился, досадуя на то, что вообще позволил себе слушать, и в то же время вина себя, что рассказал про свой нелепый кошмар и этим вызвал такое терзание; впрочем, причина оставалась для меня непонятной. Я осторожно сошел в нижний этаж и пробрался в кухню, где сгреб в кучу тлеющие угли и зажег от них свою свечу. Ничто не шевелилось; только полохатая серая кошка выползла из золы и поздоровалась со мною сварливым «мяу».

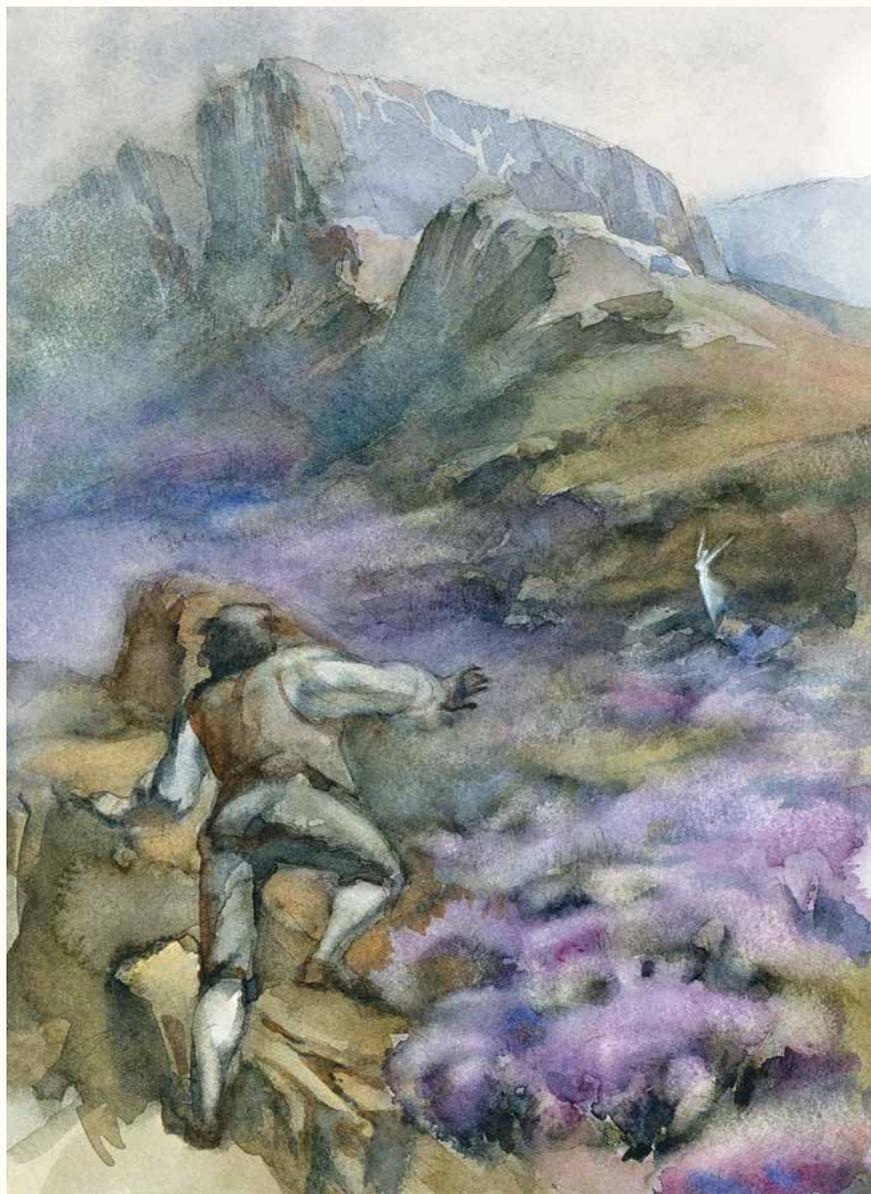
Две полукруглых скамьи со спинками почти совсем отгораживали собою очаг; на одной из них я вытянулся сам, кошка забралась на другую. Мы оба дремали, пока никто не нарушал нашего уединения; потом приволокся Джозеф, спустившись по деревянной лестнице, которая исчезала за люком в потолке; лазейка на его чердак — решил я. Он бросил мрачный взгляд на слабый огонек, вызванный мною к жизни в очаге, согнал кошку со скамьи и, расположившись на освободившемся месте,

«Кэти, приди! О, приди — еще хоть раз!»

однако, ее дружеский пыл иссяк, а когда жена его, бывало, надуется, Хиндли становился тираном. Ей достаточно было сказать о Хитклифе несколько неодобрительных слов, и вновь поднялась вся его былая ненависть к мальчику. Он удалил его со своих глаз, отправил к слугам и прекратил его занятия с викарием, настояв, чтобы вместо ученья он работал — и не по дому, а в поле; да еще следил, чтоб работу ему давали не легче, чем всякому другому работнику на ферме.

Сначала Хитклиф переносил свое унижение довольно спокойно, потому что Кэти обучала его всему, чему училась сама, работала с ним вместе и играла. Они обещали оба вырасти истинными дикарями: молодой господин не утруждал себя заботой о том, как они себя ведут и что делают, — лишь бы не докучали ему. Он даже не следил, чтоб они ходили по воскресеньям в церковь, и только Джозеф и викарий корили его за такое небрежение, когда дети не являлись на проповедь; и тогда Хиндли приказывал высечь Хитклифа, а Кэтрин оставить без обеда или без ужина. Но для них было первой забавой убежать с утра в поля и блуждать весь день в зарослях вереска, а там пускай наказывают — им только смех. Пускай викарий задает Кэтрин выучить наизусть сколько угодно глав, и Джозеф пускай колотит Хитклифа, пока у него у самого не заболит рука, — они все забывали с той минуты, когда снова оказывались вдвоем, или по меньшей мере с минуты, когда им удавалось составить какой-нибудь озорной заговор мести. Сколько раз я плакала потихоньку, видя, что они становятся со дня на день отчаянней, а я и слова молвить не смею из боязни потерять ту небольшую власть, какую еще сохраняла над этими заброшенными детьми. В один воскресный вечер случилось так, что их выгнали из столовой за то, что они расшумелись, или за какую-то другую пустячную провинность; и когда я пошла позвать их к ужину, я нигде не могла их сыскать. Мы обшарили весь дом сверху донизу, и двор, и конюшни: их нигде не оказалось; и наконец Хиндли, озлившись, велел нам запереть дверь и строго-настрого запретил пускать их до утра. Все домашние легли спать, и я, слишком встревоженная, чтобы улечься,

*Для них было первой забавой убежать с утра в поля
и блуждать весь день в зарослях вереска*

— Но он не мог же услышать меня с порога! — сказала она. — Дай я подержу Гэртон, пока ты будешь собирать к ужину, а когда все будет готово, позови меня поужинать с вами. Я хочу обмануть свою беспокойную совесть и увериться, что Хитклиф ничего не знает об этих делах. Ведь не знает, нет? Он не знает, что такое быть влюбленным?

— Это он знает, мне кажется, не хуже вашего, — возразила я, — и если его выбор упал на вас, он будет самым несчастным человеком на земле. Когда вы станете госпожой Линтон, он потеряет и друга, и любимую, и все! А подумали вы, как сами снесете разлуку? И каково будет Хитклифу остаться совсем одному на свете? Потому что, мисс Кэтрин...

— Одному на свете! Сносить разлуку! — вскричала она с негодованием. — Кто нас разлучит, скажи на милость? Пусть попробуют. Их постигнет судьба Милона!* Не пойду я на это, пока я жива, Эллен, — ни ради кого на свете! Все Линтоны на земле обратятся в прах, прежде чем я соглашусь покинуть Хитклифа. О, не это я задумала, не это имею в виду! Нет, такой ценой я не согласна стать госпожой Линтон! Хитклиф останется для меня тем же, чем был всю жизнь. Эдгар должен забыть свою неприязнь, должен относиться к нему хотя бы терпимо. Так и будет, когда он поймет мои истинные чувства к Хитклифу. Я вижу, Нелли, ты считаешь меня жалкой эгоисткой; но неужели тебе никогда не приходило в голову, что если мы с Хитклифом поженимся, то будем нищими? А если я выйду за Линтона, я получу возможность помочь Хитклифу возвыситься, я его вызволю из-под власти моего брата!

— На деньги вашего мужа, мисс Кэтрин? — спросила я. — Вряд ли ваш друг окажется так сговорчив, как вы полагаете. И хоть я в этом деле не судья, думается мне, из всех ваших доводов в пользу того, чтобы стать вам женой молодого Линтона, этот — наихудший.

---

* Милон Кротонский — греческий атлет. Многократный победитель на олимпийских и пифийских играх. Согласно легенде, под старость он попытался однажды голыми руками сломить дерево. Его зажало между половинками надломленного ствола, и в таком беспомощном положении он был съеден зверями.

Он встал со скамьи и бесшумно вышел

с проснувшимся вдруг любопытством. Пользуясь его минутным вниманием, я закричала:

— Я устала с дороги, я хочу спать! Где горничная? Проводите меня к ней, раз она не идет ко мне!

— Горничных у нас нет, — ответил он, — вам придется обслуживать себя самой!

— А где мне лечь? — рыдала я. Усталость и горе меня так придавили, что я забыла думать о своем достоинстве.

— Джозеф ответит вас в комнату Хитклифа, — сказал он. — Отворите эту дверь, он там.

Я уже было пошла, когда вдруг он остановил меня и добавил очень странным тоном:

— Заприте, пожалуйста, вашу дверь на ключ и на задвижку. Не забудьте!

— Хорошо! — сказала я. — Но зачем, мистер Эрншо?

Меня не слишком прельщала мысль добровольно запереться с Хитклифом.

— Вот, смотрите! — сказал он в ответ, вытаскивая из жилетного кармана необычайного вида пистолет с приложенным к стволу обоюдоострым складным ножом. — Это великий искунитель для отчаянного человека, не правда ли? Я не могу устоять, и каждую ночь поднимаюсь с этой штукой наверх и пробую его дверь. Если однажды я найду ее открытой, ему конец! Я это сделаю неизменно... Хотя каждый раз я за минуту перед тем перебираю сотню доводов, которые должны бы меня остановить, какой-то дьявол толкает меня махнуть на свои планы и убить врага. Борись не борись с этим дьяволом, а наступит час, и вся рать ангелов небесных не спасет вашего Хитклифа!

Я с интересом разглядывала пистолет. Отвратительная мысль возникла у меня: как буду я сильна, если завладею этим оружием! Я взяла его в руки и потрогала лезвие. Эрншо, удивленный, следил за выражением, отражавшимся короткую минуту на моем лице: то был не ужас, то была зависть. Он ревниво выхватил у меня пистолет, закрыл нож и снова спрятал оружие на груди.

*Мне отворил высокий, изможденный человек без шейного платка
и крайне неряшливый с виду*

с тобой еще раз перед тем, как ты уснешь. Я стану в пяти ярдах от твоего окна, не дальше.

— Ты не должен уходить! — ответила она, держа его так крепко, как позволяли ее силы. — Ты не уйдешь, говорю я тебе.

— Только на час, — уговаривал он.

— Ни на минуту, — отвечала она.

— Но я *должен*, сейчас войдет Линтон, — настаивал в тревоге незванный гость.

Он пытался встать, он насильно разжимал ее пальцы — она вцепилась крепче, затаив дыхание; ее лицо выражало безумную решимость.

— Нет! — закричала она. — Не уходи, не уходи! Мы вместе в последний раз! Эдгар нас не тронет. Хитклиф, я умру! Я умру!

— Чертов болван! Принесло! — сказал Хитклиф, снова опускаясь в кресло. — Тише, моя дорогая! Тише, Кэтрин! Я остаюсь. Если он пристрелит меня на месте, я умру, благословив своего убийцу.

Они снова крепко обнялись. Я слышала, как мой господин подымается по лестнице, — холодный пот проступил у меня на лбу: я потеряла голову от страха.

— Что вы слушаете ее бред! — сказала я с сердцем. — Она говорит, сама не зная что. Вы хотите ее погубить, потому что она лишена рассудка и не может защитить себя? Вставайте, и вы сразу освободитесь! Это самое сатанинское из ваших злодейств. Через вас мы все погибли — господин, госпожа и служанка.

Я ломала руки и кричала. Услышав шум, мистер Линтон ускорил шаг. Как ни была я взволнована, я искренно обрадовалась, увидев, что руки Кэтрин бессильно упали и голова ее сникла.

«В обмороке. Или мертва, — подумала я, — тем лучше. Ей лучше умереть, чем тянуть кое-как и быть обузой и несчастьем для всех вокруг».

Эдгар, бледный от изумления и ярости, бросился к непрошеному гостю. Что хотел он сделать, я не скажу. Однако тот

*Он пытался встать, он насильно разжимал ее пальцы —
она вцепилась крепче, затаив дыхание*

сразу его остановил, опустив лежавшее на его руках безжизненное с виду тело.

— Смотрите! — сказал он. — Если вы человек, сперва помогите ей, со мной можете поговорить потом.

Он вышел в гостиную и сел. Мистер Линтон подозревал меня, и с большим трудом, перепробовав немало средств, мы ее привели, наконец, в чувство; но она была в полном затмении рассудка; она вздыхала, стонала и не узнавала никого. Эдгар в тревоге за нее забыл о ее ненавистном друге. Но я не забыла. При первой же возможности я прошла к нему и уговорила его удалиться, уверяя, что ей лучше и что утром я извещу его, как она провела ночь.

— Хорошо, я удалюсь отсюда, — ответил он, — но я останусь в саду, и смотри, Нелли, завтра сдержи свое слово. Я буду под теми лиственницами. Смотри же! Или я опять войду в дом, будет Линтон дома или нет.

Он кинул быстрый взгляд в приоткрытую дверь спальни и, уверившись, что я, очевидно, сказала ему правду, избавил дом от своего злосчастливого присутствия.

ГЛАВА XVI

Ночью, около двенадцати, родилась та Кэтрин, которую вы видели на Грозовом Перевале: семимесячный крошечный младенец, а через два часа роженица умерла, ни разу не придя в сознание настолько, чтобы заметить отсутствие Хитклифа или узнать Эдгара. Не буду расписывать, в каком отчаянии был мистер Линтон от своей утраты, — это слишком печальный предмет; действие его глубокой скорби сказалось только со временем. В моих глазах несчастье отягчалось еще тем, что господин остался без наследника. Я горевала об этом, глядя на слабенькую сиротку, и мысленно корила старого Линтона, что он (хоть это и было вполне естественным пристрастием) закрепил имение за собственной дочерью, а не за дочерью сына. Бедная крошка! Не вовремя она явилась на свет. Она могла до